

«Человек бунтующий» в современной социокультурной среде

М. А. МАКСИМОВ

(Институт философии РАН)*

В статье рассматривается проблема ограниченности контркультурного протеста, раскрываются противоречия современной социокультурной среды. Особое внимание уделяется вопросам возникновения новых ценностных ориентаций в современном обществе. Автор проводит анализ возможностей трансформации современной капиталистической системы на основе деятельности нового освободительного движения.

Ключевые слова: социокультурная среда, «человек бунтующий», современное капиталистическое общество, контркультура, «антисистемное» движение.

«Rebellious man» in modern socialcultured environment

M. A. MAXIMOV

(INSTITUTE OF PHILOSOPHY OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES)

Abstract: in this article are considered a problem the restriction of the countercultured protest and contradictions the modern socialcultured environment. Questions of the arising new valuable orientations are took into special attention. Author realized analyze possible transformation of the modern capitalistic system and dealt with problems of the new liberation movement.

Keywords: socialcultured environment, modern capitalistic society, «rebellious man», antisystemic movement, counterculture.

В современных условиях развития новых мировоззренческих ориентиров особую значимость приобретают вопросы, связанные с анализом культурной динамики, с выявлением характерных черт контркультуры (противостояние господствующим ценностным ориентациям), с объяснением и пониманием явлений «бунта» в сфере культуры. Феномен «контркультуры» исследуется в работах ученых — зарубежных (Т. Роззак, Ч. Рейч, Р. Инглхарт, И. Янкелович) и отечественных (Ю. Н. Давыдов, И. Б. Роднянская, Э. Я. Баталов, А. Ю. Мельвиль, К. Э. Разлогов, П. В. Гладков). В последние годы получает распространение анализ контркультуры как феномена общекультурного процесса (А. С. Панарин, П. С. Гуревич, М. И. Новинская, М. А. Султанова). Тем не менее *проблема ограниченности контркультурного протеста и возможностей его трансформации* остается без должного внимания. На наш

взгляд, в ситуации кризиса существующей социокультурной парадигмы становится необходимым анализ практики «человека бунтующего» в сфере культуры.

Термин «человек бунтующий», как известно, ввел в философский лексикон Альбер Камю. Он писал, что человек бунтующий «отрицает, но не отрекается, — таким образом, своим первым действием он говорит «да»... Он утверждает предел, а также все, что смутно ощущает в себе самом и стремится сохранить. Он пытается доказать, что в нем есть нечто ценное, которое необходимо защищать. Против социального или иного угнетения его индивидуальности он выдвигает особое право терпеть гнет лишь до того предела, который сам установил» (Камю, 2000: 156–158). Итак, человек, бунтуя, утверждает границы самоопределения. Социокультурная среда, в которой развивается его индивидуальность, становится предме-

* Максимов Михаил Александрович — аспирант сектора социальной философии Института философии Российской академии наук. Тел.: 8-903-817-59-98. Эл. адрес: misha1994-84@mail.ru

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект №08-03-00175а).

том критической рефлексии. Постепенно осознание человеком своего места в культуре приводит к формированию движений протеста, ориентированных на реализацию альтернативных моделей организации жизни. «Человек бунтующий» создает новый тип протестного мироощущения, который становится основой той или иной контркультуры.

Разумеется, в ряде контркультурных явлений можно увидеть «отрицание всего объективно необходимого и принудительно закономерного» (Давыдов, Роднянская, 1980: 202), но на наш взгляд, представляется возможным понимать контркультуру как некий сложный, противоречивый социокультурный феномен, как «сложный комплекс социально-культурных ценностей, установок, ориентаций, оппозиционных господствующей культуре» (Гладков, 1990: 21). Наиболее отчетливую форму контркультурное движение приобрело в 60-е годы XX века. Именно тогда проблемы, связанные с самореализацией индивида, приобрели особое звучание; произошло оформление оппозиции ценностным ориентациям буржуазного общества. Но возникал вопрос: действительно ли культура является фундаментом социальной системы, и лишь «отрицание» буржуазной культуры (Роззак, 1969) обеспечивает создание новой общественной системы, основанной на свободном проявлении индивидуальности?

Необходимо отметить, что контркультурный протест 1960-х годов сформировался как некий «ответ» на неспособность «традиционных» левых партий сформировать новые формы общественных отношений, альтернативные капиталистическим. По мнению идеологов формирующегося в 1960-е годы движения «новых левых», капиталистическая система открывала новые возможности для ее «преодоления», для дальнейшего возвышения человека над собственной деятельностью. Путь реализации данных возможностей виделся не как «институциональный», а как отказ от ценностей буржуазного общества («Великий Отказ») и развитие новых

потребностей и инстинктов посредством «революции сознания». Данное революционное изменение должно было явиться прежде всего в виде эстетического освобождения (Маркузе, 2002), в виде формирования в процессе спонтанного бунта «новой чувствительности» индивида. Переход от эстетического к социально-политическому освобождению предполагалось осуществить посредством «трансцендирования» воображения за рамки социальной данности (Миллс, Сартр). Таким образом, изменение культурного бытия приобретало большую значимость по сравнению с изменением экономической структуры общества, системы трудовых отношений. Развитие «новой многомерной сенситивности» (Т. Роззак) считалось первоочередной задачей в процессе создания нового видения окружающего мира. Планировалось, что психологический протест против отчуждения и духовного порабощения спонтанным образом перерастет в широкое социальное движение. Оформление нового типа сознания должно было привести к созданию новой социальной системы, к трансцендентному обновлению личности (Султанова, 2005).

Но оказалось, что контркультурный протест вполне соответствует требованиям, которые предъявляет производственной сфере современный капиталистический рынок. Желание «выделиться из толпы», проявить свою яркую индивидуальность ведет в конечном итоге не к опровержению потребительских идеалов, а к развитию конкурентного потребления. Создание продукта, отличающегося от остальных, приводит к повышению потребительских стандартов в обществе. И «человек бунтующий», особенно равнодушный к собственному стилю, отдает себя во власть «культу новизны». Тяга к созданию новых, все более экстремальных форм бунта чаще всего не предусматривает стремления развивать формы человеческой солидарности, соучастия. Пренебрегая любыми границами своей индивидуальной деятельности, «человек бунтующий» погружается в состояние нигилизма и самоотрица-

ния. Бунтарь, руководствуясь «свободой выбора», не слишком заботится о качественной стороне своих действий. Идеи и принципы «культурного противостояния» все больше сливаются с принципами современной коммерческой рекламы (Хиз, Поттер, 2007). Отрицая существование каких-либо позитивных институциональных структур, бунтарь осуществляет свое «действие ради действия». Нетрудно заметить, что «избыточное разнообразие» контркультурных форм протеста приводит не к изменению современной социокультурной среды, а лишь к отвержению решений комплекса социальных проблем. Повседневное сопротивление социальной системе все более становится символическим, образным, театрализованным представлением. Но трансформация ценностных ориентаций, как мы считаем, вряд ли может воплощаться в форме «карнавально-го веселья».

Возможно, сегодня мы сталкиваемся с новой стадией овеществления, «культурным капитализмом» (Дж. Рифкин), с овеществлением нашего опыта, наших жизненных переживаний; «товары теряют свою материальную значимость и приобретают символическую» (Rifkin, 2001: 173). И таким же жизненным переживанием, товаром становятся и действия «человека бунтующего». Оформление этих действий за рамками товарных отношений означало бы утверждение автономии протеста от рыночных сил, доступ к общей культурной реальности. Возникает вопрос: не приведет ли подобный поиск нового равновесия между рынком и культурой к очередной стадии овеществления? «Человек бунтующий», как отмечает Б. Ю. Кагарлицкий (Кагарлицкий, 2007: 119), «создает собственный закрытый мир, точнее миры. Каждый из них самодостаточен. Замыкаясь в них, их обитатель уже не слишком воспринимает окружающее пространство». В итоге жизненная практика бунтаря остается его индивидуальной программой («внесистемной» формой бытия), не имеющей прямого отношения к потребностям остальных членов общества. И эта «жиз-

ненная практика» постепенно интегрируется в социокультурную среду, не изменяя ее.

По всей видимости, индивидуалистский бунт постоянно приводит лишь к росту конкуренции со стороны других бунтарей, продолжает осуществляться продажа наиболее радикальных образов. И все-таки процесс дальнейшего развития современного «общества потребления» не лишает смысла дальнейшую социально-политическую борьбу. Как мы полагаем, существует возможность перехода из «внесистемной» формы бытия в «антисистемную», т. е. ориентированную и на процесс преодоления прежних ценностных ориентаций, и на создание новой общественной системы.

В капиталистической системе, как писал Д. Лукач (Лукач, 2006: 161–162), «формы и содержание культурных объективаций вступают в противоречие между собой». Это противоречие во многом обуславливает сущностную противоположность между идеологией буржуазного общества и его экономическим строем. Идея человека как самоцели отрицается процессом превращения в товар социальных отношений, и культура может принимать отчужденную от человека форму вещественного или денежного капитала. Но если источником капитала является абстрактный труд (простое расходование рабочей силы), то, как отмечал Маркс (Маркс, 1955: 15), «источником богатства и культуры труд становится лишь как общественный труд». Такой общественный (всеобщий) труд обуславливается потребностью человека свободно развивать свою индивидуальность, изменяя мир культуры (Сиземская, 2006). И посредством этого изменения «человек одновременно создает самого себя как общественное существо, совершенствует свои силы и способности, расширяет рамки своего общения, формирует новые потребности и средства их удовлетворения» (Межуев, 2006: 164). Нужно особо учесть, что противостояние форм абстрактного и всеобщего труда не является лишь противостоянием сфер материального и духовного производства, скорее всего, данное противосто-

стояние находит свое выражение в оппозиции человеческой практики и отчуждения. Не исключено, что возможность возникновения новой культуры открывается лишь при постепенном прекращении господства экономики над общественной жизнью. Преобразование автономии экономического существования может означать замену экономических мотивов деятельности человеческими.

Осознание «себя» в культуре, процесс постепенного избавления сознания «человека бунтующего» от нигилистических черт приводит к необходимости осмысленной социально-политической деятельности, направленной на преобразование общественных структур. Переход от «бескомпромиссности» бунтаря к последовательной и планомерной самореализации может, на наш взгляд, обеспечиваться посредством диалектической взаимосвязи тактических приемов участников контркультурных протестов с общими стратегическими целями. Реализация данной взаимосвязи, в свою очередь, потребует осознания отношений взаимозависимости между всеми сферами человеческой жизнедеятельности: экономическое, социально-политическое и культурное бытие. Скорее всего, не индивидуальный бунт, но формирование нового антисистемного движения, ориентированного на борьбу против различных (экономических, политических, культурных) неравенств, станет предпосылкой развития новой формы общественных отношений.

Нужно отметить, что если на микроуровне осуществление «антисистемных» идеалов становится более или менее возможным (об этом свидетельствует опыт современных контркультурных движений), то на макроуровне «самоуправленческие структуры» легко интегрируются в мировую капиталистическую систему. В данном контексте немалую значимость приобретает опыт движения «альтерглобализации». Участники этого движения, принадлежащие к различным социальным группам и культурам, в большинстве своем разделяют идею самоорганиза-

ции общества в соответствии с различными способами демократического участия и самоуправления. Разумеется, реализация идей социальной самоорганизации, идей новой культуры потребует длительного развития форм освобождения от власти капитала и государства. Возможно, что путь дальнейшей самореализации человека ведет не к формам «свободной экономики», а к преодолению экономического характера социальных отношений, к всестороннему развитию индивида.

Субъектом данного преобразования вряд ли может стать человек, «чья деятельность носит инфантильно-беспомощный, саморазрушающий характер» (Панарин, 2004), скорее всего, он будет представлен объединением разнообразных общественных сил в деле преобразования системы. Речь идет об оформлении коллективного субъекта преобразований, историческом блоке социальных сил (Грамши, 1991), синтезе опыта «технологической элиты», разочарованной в логике современных информационных технологий, и традиционного рабочего движения, активистов «альтерглобализма» и левых политических партий (Кагарлицкий, 2003). Таким образом, участники освободительного движения осуществляют переход от «внесистемной» формы бытия к «антисистемной» практике, которой придается двусторонний и одновременный импульс: «сверху» (стремление завоевать политическое пространство) и «снизу» (развитие самоуправления и самоорганизационных форм деятельности). В зависимости от конкретной ситуации антисистемная деятельность может становиться изменчивой, комбинировать различные стратегии и тактики, выражаться в новых формах солидарности, способствовать развитию транскультурных оснований (Мальковская, 2000).

Способен ли современный «человек бунтующий» отказаться от своей сегодняшней потребленческо-развлекательной функции и «пройти через символы» (Кляйн, 2003), обратиться к решению проблем реально существующей социальной реальности? Вряд

ли будет уместно в рамках данной статьи делать прогнозы на этот счет. В любом случае бунт и его ценность являются относительными понятиями. Процесс трансформации современной социокультурной среды, скорее всего, будет связан с развитием разнообразных форм самоуправления, основанных на групповой и индивидуальной инициативах. Для становления нового освободительного движения является необходимым не только предложение культурных альтернатив, но и раскрытие целостности процесса исторического развития. Возможно, такое раскрытие уже становится активной деятельностью, направленной на преобразование системы социальных отношений. И это преобразование лишь открывает возможность свободной самодеятельности людей в рамках новой культуры, новой социокультурной среды.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Грамши, А. (1991) Тюремные тетради. М.
- Давыдов, Ю. Н., Роднянская, И. (1980) Социология контркультуры. М.
- Кагарлицкий, Б. Ю. (2007) Политология революции. М.
- Камю, А. (2000) Миф о Сизифе; Бунтарь. Мн.
- Кляйн, Н. (2003) No Logo. Люди против брендов. М.
- Гладков, П. В. (1990) Альтернативные ценности в современном американском обществе // Контркультура и социальные трансформации. М. : ИФРАН. С. 20–43.
- Лукач, Д. (2006) Старая культура и новая культура // Политические тексты. М.
- Мальковская, И. А. (2008) Многоликий Янус открытого общества. М.
- Маркс, К. (1955) Критика Готской программы // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 19. С. 9–32.
- Маркузе, Г. (2002) Философия искусства и политика // Керни Р. Диалоги о Европе. М.
- Маркузе, Г. (2003) Одномерный человек. М.
- Межуев, В. М. (2006) Идея культуры. М.
- Панарин, А. С. (2004) Постмодернизм и глобализация // Исторические судьбы социализма. М. : ИФРАН. С. 302–322.
- Сартр, Ж.-П. (2008) Проблема метода. М.
- Сиземская, И. Н. (2006) К вопросу о том, что такое общественное богатство // Новые идеи в социальной философии. М. : ИФРАН. С. 59–73.
- Султанова, М. А. (2005) Философская культура Т. Роззак. М.
- Хиз, Дж., Поттер, Э. (2007) Бунт на продажу. М.
- Rifkin, J. (2001) The Age of Access. N. Y.
- Rozzak, T. (1969) The Making of Counterculture. N. Y.